

От ненависти *До любви*

**ДАРЬЯ
КОЖЕВНИКОВА**
СТЕКЛЯННОЕ СЕРДЦЕ

От ненависти до любви

Дарья Кожевникова
Стеклянное сердце

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кожевникова Д. С.

Стеклянное сердце / Д. С. Кожевникова — «Эксмо», 2018 — (От ненависти до любви)

ISBN 978-5-04-093965-7

У сестер Таи и Эли не было в жизни никого ближе друг друга. Тая успела выйти замуж и развестись, а Элька по-прежнему наслаждалась свободой и уединением. И вдруг девушку нашли мертвой в ее любимом озере! Экспертиза пришла к парадоксальному выводу, что Элька – плававшая, как рыба! – утонула. Тая ни секунды не сомневалась, что это убийство, и начала выяснять, чем жила ее любимая сестра в последнее время. В результате она нашла след страшного человека из их с Элькой прошлого, которого они давно забыли, но, как выяснилось, он не забыл про них...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093965-7

© Кожевникова Д. С., 2018
© Эксмо, 2018

Дарья Сергеевна Кожевникова

Стеклянное сердце

© Кожевникова Д.С., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Весла плескали по воде тихо и ритмично. Сидя в лодке, Эля без особой паники гадала, что же они собираются с ней сделать. Утопить? Но у них нет с собой ни камня, ни другого груза. Неужели они вообразили, что если завезут ее сейчас подальше и столкнут, она не доплывет до берега? Надо совсем ее не знать, чтобы так подумать! Да она переплывала это озеро не раз, туда и обратно! Оно ведь в ширину всего около трех километров. А Эля могла без остановки проплыть и больше, проверено. Вода вот разве только еще холодная. Но если для кого-то это могло стать роковым, то для нее было лишь досадной неприятностью. Обычно она начинала купаться, едва сходил лед на озере. Вот и в этом году уже открыла сезон. Так на что же они рассчитывают, эти, что везут ее сейчас на лодке? Разве что стукнут веслом по голове перед тем, как отправить в воду? Но тогда налицо будут те самые «признаки насильственной смерти», которых им, похоже, хотелось бы избежать. Значит, все-таки рассчитывают на то, что она утонет. Но это же просто смешно! Вот почему Эля так бесстрашно села в лодку – может, неприятная компания и не знает о том, как она плавает, но ей-то самой это хорошо известно. С ранних лет, в любую погоду. Эля и сейчас могла бы выпрыгнуть за борт без всяких сомнений и страха и, скорее всего, преспокойно ушла бы вплавь от этих, на лодке, пока бы они тут разворачивались да искали ее потом в темноте. Может, именно так она и поступит, надо только выбрать подходящий момент – пока что за ней довольно бдительно присматривали. Успеют ухватить, когда она кинется к борту, так что с этим лучше не торопиться. И вместо того, чтобы сделать рывок на свободу, Эля уставилась на фигуру, темнеющую на носу лодки. Что он все-таки намерен с ней сделать, этот монстр в человеческом обличье, по воле которого она здесь находится? Спросить бы! Но разговор, ради которого она и села в лодку, как-то быстро стих, и снова начинать его уже не было желания. Да и нужен ли он был, если обеим сторонам теперь уже точно было известно, что ни к чему он не приведет? Однако Эля пошла на него прежде всего из любопытства, ей все-таки очень хотелось получить ответ на свой вопрос: «Почему?!» Теперь она знала ответ и окончательно убедилась в том, что сидящее перед ней в лодке существо – не человек, а самое настоящее чудовище.

– Гадаешь, что с тобой будет? – спросил монстр, перехватив ее взгляд, в то время как лодка остановилась, ориентировочно достигнув середины своего пути. И тут же сам ответил: – А я тебя сейчас отпущу! Выкину из лодки, и плыви ты на все четыре стороны! Доплывешь – твое счастье. Ну а если нет, то уж не обессудь! В любом случае видимся мы с тобой в последний раз... Надеюсь, что в последний, – с этими словами он нагнулся над Элей. Укола она даже не почувствовала, только увидела, как у него в руках мелькнул шприц. Совсем маленький. Тонюсенькая, как комариное жало, иголочка молниеносно вонзилась ей куда-то под подбородок, в мягкие ткани нижней челюсти, и почти сразу выдернулась. Лишь запоздало Эля ощутила, как этот укол отдался легким пощипыванием где-то под языком. А монстр еще раз взглянул на нее и ухмыльнулся:

– Прощай, деточка!

«Ну, это мы еще посмотрим!» – подумала она, стараясь, чтобы он не заметил торжествующего огонька у нее в глазах. Что вот только монстр ей вколол? Снотворное? Нет, она все равно справится, и вода ее не подведет, даже в полубессознательном состоянии. Элю столк-

нули, и она нырнула, чтобы не показываться тем, что в лодке, пока они не отплывут на достаточное расстояние. Вынырнула уже в нескольких метрах: лодка удалялась прочь. Эля зависла в воде, глядя ей вслед, пока компания окончательно не скрылась в темноте. Потом скинула с себя куртку, мешающую плыть. Тапки, в которых ее сегодня выманили из дома, уже и сами соскользнули, пошли ко дну. Все. Теперь на Эле оставались только домашние брючки и маечка, которые совершенно не помешают и не создадут лишней тяжести. Эля повернулась, сделав первый мощный и практически бесшумный гребок. Еще бабушка учил ее: не бей воду, она этого не любит! Эля, преклоняющаяся перед этой стихией, крепко усвоила урок. Ее руки не шлепали, а словно втекали в воду. И не частота, а сила этих движений несла ее вперед, к заветному берегу.

Вода никогда не подводила ее. Но сегодня, примерно уже на половине пути к берегу, Эля вдруг почувствовала неладное. В ушах внезапно зашумело, и сердце забилось пойманной птицей, и от острого чувства голода вдруг свело живот. Это был какой-то лютый, животный голод, какого Эля никогда еще не испытывала. А руки вдруг ослабели и затряслись, и перестали слушаться, как будто чужие или набитые ватой. А потом вдруг все мышцы тела скрутила внезапная жестокая судорога. Но Эля не позволила себе запаниковать, не тот у нее был характер. Она сумела лечь на воду, перевернувшись на спину – плавала она действительно так, как многие ходят посуху. Успокоиться, переждать этот мучительный приступ. И все-таки доплыть до берега! Доплыть вопреки всему!

Тая уже третий день не могла дозвониться до сестры. Да, бывало, что Элька бросит телефон в доме, а сама уйдет на весь день в огород или в лес, и хоть ты ей обзвонись! Но вот так, чтобы телефон упорно не отвечал ни днем, ни вечером, а потом и вовсе отключился – это было уже слишком даже для Эльки! Не выдержав, Тая набрала номер Степановны, соседки по участку. Звонить тоже пришлось три раза, но зато на этот раз усилия все-таки увенчались успехом.

– Але! Кто й та? – послышался голос глуховатой бабки.

– Степановна, здравствуйте! Это Тая Виноградова! – Тая давно уже была не Виноградовой, а Метелиной, но назваться девичьей фамилией было куда проще, чем в сотый раз объяснять бабке, кто она и почему. – Сестра Эли Виноградовой!

– А? Это Элина сестра, что ль?

– Да, это я! – Тая заранее запаслась терпением, зная, что общение с бабкой будет непростым. Именно поэтому и не хотела ей звонить. Но что поделать, если телефоны других Элькиных, а также и ее собственных соседей, правда, давно уже бывших, у нее не сохранились? Однако на сей раз, вопреки ожиданиям, Тае не пришлось отвечать на десяток других навязывающих вопросов с переспросами.

– Так где ж она, Элька-то твоя? – заголосила бабка в трубку. – Нету ее дома, куры в сарае заперты были. Я уж выпустила, не помирать же им там! Так они в огороде творят что хотят! И ко мне залетают, окаянные! А хозяйки нету! К тебе, что ль, уехала, а?

«Если бы она ко мне уехала, я бы тебе не звонила!» – с досадой подумала Тая. Вслух же спросила:

– А вы кур-то когда выпускали?

– А позавчерась! Вот уже к обеду! А Элька-то где?

– Степановна, я приеду и разберусь! – пообещала Тая, отключаясь. С облегчением вздохнула: разговор был окончен. Но вот что с сестрой? Похоже, и в самом деле придется ехать разбираться. Тая и так собиралась навестить сестру перед тем, как улететь в долгожданный отпуск в Грецию. Но только не предполагала, что выезжать придется в такой спешке и по столь неординарной причине. Элька исчезла! Да это невозможно! Куда она могла подеваться?! Из родного дома да из родного поселка, в котором они обе выросли и знали его, как и раскинувшийся

рядом лес, словно свои пять пальцев? Эля в отличие от Таи, даже повзрослев, не смогла со всем этим расстаться. Не прельстили ее ни высшее образование, ни карьера в городе. Любила она землю, лес, их тихое озеро, свободу и чистый воздух. И чтобы теперь она вдруг куда-то отправилась из поселка, даже не предупредив сестру?! Нет, такого быть не могло! Чувствуя, как у нее тревожно сжимается сердце, Тая надеялась, что все объяснится какой-то мелкой неприятностью. Могла, например, Элька ногу вывихнуть, когда лазила в подвал? Хорошо бы, чтобы так оно все и закончилось – небольшой операцией по спасению невинно упавшей с лестницы.

Надежды на подвал отпали сразу, как только Тая ступила на крыльцо: дом был заперт. Тая постояла перед дверью, задумчиво разглядывая замочную скважину. С чего начать поиски сестры? Попасть в дом было не проблемой, ключ от него всегда, долгие годы и даже уже не первое поколение, хранили в условленном месте, в маленьком тайничке, тут же, на крыльце. Но стоит ли заходить внутрь? Элька вряд ли стала бы запирается изнутри, это было не в ее привычках. Значит, ее там нет. Поискать в доме записку от нее? Но не проще ли ей было отправить сестре смс? Таины раздумья были прерваны негромкими, но очень дружными головами. Оглянувшись, она обнаружила, что оставшиеся беспризорными куры собрались перед крыльцом и теперь смотрят на нее с надеждой, что их наконец-то накормят.

– Что, в огороде пропитания не сыскать? – неприветливо спросила у них Тая. – Или что, там копать надо, разыскивать, а вы привыкли, чтобы вам все готовое подносили под самый клюв? Избаловала вас Элька на зерне.

Куры, конечно, ничего не поняли. Продолжая что-то тихо квохтать себе под нос, они смотрели на Таю жалкими голодными глазами, так что она все-таки не выдержала, решила ненадолго отвлечься на них. Достала из тайничка ключ, открыла дверь. В сенях стоял почти полный ларь с зерном. Тая зачерпнула из него сразу целое ведерко, высыпала курам в корытце под окном. И, не задерживаясь поглазеть на образовавшуюся над корытцем «кучу малу», вернулась в дом – раз уж все равно пришлось его отпереть, то и осмотреть для начала неплохо. Вдруг удастся найти пусть даже не записку, а просто что-нибудь такое, по чему можно угадать намерения сестры? Куда ее нелегкая унесла? Куда-то далеко и надолго она уйти не могла, кур бы не бросила или хотя бы соседей попросила за ними присмотреть. Разве что в лес пошла и там умудрилась заблудиться каким-то чудом? Ну, для этого ей нужно было очень постараться, просто максимум усилий приложить! Потому что Элька была лесным человеком, знающим все тропки на много верст окрест, а в голове как будто имеющим свой собственный компас. Да и рано еще в лес забредать по самые дебри – ягоды пока не вызрели, даже в парниках и теплицах. Уж это-то Тая точно знала – будь оно иначе, в городе давно бы втридорога торговали ранней продукцией. Но пока ее не было.

И надолго Элька уходить из дома не собиралась. Наоборот, готовилась ко сну. В этом Тая убедилась, обнаружив разобранную постель и налитую чашку чая, стоящую на столе. Часть жидкости уже успела испариться, оставив бурые кольца на стенках кружки. И попахивало... Нет, чай так вонять точно не мог. Проведя на скорую руку обыск, Тая нашла источник запаха в микроволновке: успевший засклизнуть бутерброд с плавленым сыром. Выбросила его курам во двор – у тех ничего не пропадет. Потом и сама спустилась с крыльца. Оглянулась на пустую собачью будку, потом на входную дверь. Тимошка, их старый пес, умер полгода назад, и Элька пока еще не собралась с духом взять ему на смену щенка. Так что сторожа, даже символического, дом лишился. Но тем не менее Тая не стала возвращаться и запирает дверь – днем у них в поселке это было как-то не принято. В их поселке городского типа, где почти все хорошо знали друг друга. И вон, кто-то уже стоит за забором из сетки-рабицы, возле оставленной там машины, пытается заглянуть через густые сплетения вьюнка во двор. Тая поспешила туда же – мало ли, вдруг ей там сообщат свежие новости о внезапно исчезнувшей Эльке?

Но вместо новостей Таю и за забором ждали одни вопросы.

– Таечка, так Эля к тебе, что ли, уехала? – поинтересовалась тетя Рита, соседка из дома напротив.

Тая едва не зарычала в ответ: ну что за глупый вопрос! И сколько еще таких предстоит выслушать за день? Но сдержалась и только вздохнула:

– Если бы она у меня была, я бы ее здесь не искала. Да разве вы ее не знаете? Куда бы она отсюда уехала? Нет, я сама приехала, потому что никак не могу до нее дозвониться. Вы не знаете, может, она куда-то собиралась? Ничего вам не говорила?

– Нет, – растерялась тетя Рита. – Мы думали, вдруг у тебя что случилось, вот она и сорвалась в порыве чувств, никого не предупредив. Мы бы хоть за курами присмотрели...

Ну да, конечно же, никто ничего не знает. Потому что некуда Эльке было убежать из дома на ночь глядя, уже собравшись ко сну. Разве что...

– А у нас что сейчас? Случайно, не полнолуние? – спросила Тая.

– Вроде как было недавно, – тетя Рита понимающе усмехнулась, тоже зная за Элькой эту особенность, за которую кое-кто в поселке даже считал ее ведьмой: любила Элька гулять лунными вечерами. Просто гулять, упиваясь призрачной красотой ночного леса. И озера, в котором луна отражалась, как в зеркале. Могла выглянуть вечером в окно, залюбоваться чем-то, ей одной понятным, а потом ускользнуть на два-три часа.

– Так, проедусь-ка я к озеру, – проворчала Тая, никогда не разделявшая увлечений сестры. – Я не раз уже ей говорила, что однажды догуляется, кувыркнется куда-нибудь в темноте. Вот, кажется, так и случилось. Ох, Элька!

Сев за руль, Тая проехала по прямой Элькиной улице в самый конец поселка. Там оставила машину, решив, что дальше пойдет пешком. Она не была фанаткой пеших прогулок на свежем воздухе, но сделать это пришлось сразу по двум причинам. Во-первых, дальше дорога круто поднималась вверх, так что Таина не слишком новая «ласточка» наверняка туда просто не дотянет. А во-вторых, если Элька, паршивка, лежит сейчас со своей сломанной ногой где-нибудь в кустах, Тая может просто проехать мимо нее и не заметить. Пешком в таких случаях хоть и неприятнее, но зато надежнее. Вздохнув, Тая сунула руки в рукава своей тонкой кожаной курточки, окинула взглядом предстоящий путь. Элька, легкая на ногу, могла хоть сколько пройти и словно этого не заметить. Вот и по этой извилистой дорожке из плотно слежавшегося золотистого песка она бы вспорхнула за какую-то пару минут. Ворча сквозь зубы на тех, у кого в одном месте не просто шило, а целый набор колющих инструментов, Тая тоже принялась взбираться на огромный холм, словно специально здесь поставленный для того, чтобы отделить поселок от раскинувшегося дальше на многие километры леса.

На вершине Таю встретил порыв ветра. Ледяного, несмотря на яркий солнечный день, – наверное, прилетевшего откуда-то с болот. Ветер упруго мазнул Таю по разгоряченному лицу, сунулся за воротник ее куртки и тут же унесся прочь, словно обознавшийся озорник. Не желая дожидаться повторного налета, она принялась торопливо оглядываться по сторонам. Если сестра действительно решила пойти в лес, то до этого места точно дошла. А вот куда потом ее нелегкая понесла? Далеко она не стала бы уходить, но вот в какую сторону? Отсюда, с самой высокой точки, были видны три тропинки, разбегающиеся в разных направлениях. Одна, как знала Тая, вела на ближайшее клюквенное болото, за пару километров отсюда. Другая за многие годы была натоптана, наверное, грибниками, потому что вела через лес неведомо куда. Третья тропинка спускалась к озеру. Вон оно, синее внизу, по форме напоминающее гигантских размеров фасоль. В ширину километра три, а в длину вообще все пять будет. В общем, немаленькое озеро. Для всех, кроме Эльки. Та, с детства фанатично обожающая воду, могла отмахать пару километров вплавь где-то за час, если не меньше, совсем при этом не напрягаясь. И вообще едва ли не молилась на эту голубую «фасолину» во всех оттенках зеленом обрамлении леса...

Нет, не совсем в зеленом... Рассмотрев озеро, Тая, к немалому своему удивлению, вдруг обнаружила в одном месте выбивающееся из общей гаммы цветное пятно. Надо же, кто-то успел построить себе дом на самом берегу! И не просто дом, а целую усадьбу, с прочими хозяйственными постройками, да еще и обнесенную по периметру высоким забором. Интересно, кто бы это мог там обосноваться? Судя по размаху построек, кто-то не из местных. Странно, что Элька ни разу не упоминала об этом Тае в их телефонных разговорах – ей-то такая оккупация берега озера должна была не то что не понравиться, а вообще встать костью поперек горла. Элька, по большому счету, была русалкой этого озера, его истинной королевой и хранительницей. Тая хорошо помнила случай, когда кто-то попытался в этом озере свою машину помыть, а Элька увидела! Яростная стычка, перешедшая в драку, ведро куриного помета «чистюлям» в салон, разборки с привлечением участкового... Элька потом неделю лечила синяк под глазом, но больше никто и никогда не пытался смывать в озере свою грязь – все четко уяснили, что автомойка обойдется куда дешевле. Теперь же кто-то сумел здесь построиться, а сестра об этом даже не заикнулась. Решила, что не стоит этого делать, поскольку сочувствия от Тайки все равно не дождешься? Или говорила что-то, да только Тая все пропустила мимо ушей? В любом случае внезапное появление усадьбы на берегу заставило Таю сделать выбор в пользу озера, и она начала спускаться по тропинке.

Озеро пробивалось впереди фрагментами синевы между золотыми стволами сосен, а их макушки напевно шумели под ветром, от которого Таю защищал теперь склон холма. Защищал так надежно, что даже жарко стало. Тая остановилась на полпути, стащила с себя курточку, вскинула голову к аквамаринному небу, на фоне которого качались зеленой, густой, но тонкой паутинкой сосновые лапы. Красиво! Может, и не зря Элька так страстно все это любит? Тая не разделяла горячих чувств сестры, но все же могла ее понять. Точно так же, как и Элька вроде понимала Тайну страсть к городской жизни. Две родные сестры, Эля и Тая, были очень разными по характеру. Может, оттого, что у них были разные отцы? Потому что все остальные исходные данные были одинаковыми, не считая того, что Элька родилась на три года раньше Таи. Даже внешне они были так похожи, что, когда чуть повзрослели и разница в возрасте перестала бросаться в глаза, многие при знакомстве принимали их за близнецов. И судьба у них была одна на двоих: мать оказалась кукушкой, бросившей дочерей почти сразу после рождения на своих родителей. Все, что она дала Эле и Тае, – жизнь и имена. На этом ее участие в воспитании дочерей закончилось. Элька, по ее словам, еще помнила мать, потому что в последний раз та ненадолго заезжала к старикам, когда старшая дочь находилась уже во вполне сознательном возрасте. И позже повзрослевшая Элька виделась с матерью еще один раз. Тая же, может, и видела мать живую, но это событие по малости лет не отложилось в ее памяти. Впрочем, она ни о чем не жалела. У дедушки с бабушкой им с Элькой жилось так, что больше и мечтать было не о чем. Старики отдали девочкам всю свою любовь, силы и теплоту. Правда, Элька была больше «дедушкиной»: они вдвоем вечно что-то мастерили, ремонтировали. И плавать дедушка Эльку учил. И ее любовь к лесу – от него. А вот Тая всегда держалась возле бабушки: любила лепить пельмешки, рано научилась вязать крючком, интересовалась нарядами, которые бабушка шила в основном только для нее – Элька одевалась как мальчишка. Да, разные они всегда были, сестры Виноградовы... И вместе с тем – такие родные, понимающие и дорожащие друг другом. Повзрослев, виделись нечасто, потому что выбрали разную жизнь, но созванивались практически каждый день. И вот эта зараза Элька решила, наверное, с ума Таю свести своим внезапным исчезновением!

«Ох, доберусь я до тебя!» – мысленно пригрозила Тая сестре, спускаясь к озеру. Точнее, попыталась себя приободрить таким образом, потому что на самом-то деле на душе было очень даже тревожно. Ведь где бы сестра ни была, если она не смогла вернуться домой, значит, с ней что-то случилось. Что-то серьезное, поскольку пустяк Эльку не остановил бы, а разве что только задержал, но уж точно не на три дня.

От озера повеяло прохладой, так что Тая в отличие от сестры не слишком крепкая здоровьем, остановившись на берегу, снова накинула на плечи куртку. Темная, но прозрачная вода тихо плескалась у ее ног, накатывая на золотистый песок. Тая боязливо отступила на шаг – еще не хватало ноги промочить. А вот Элька уже купалась в этом году, сама хвасталась Тае по телефону. Ну, утонуть-то она точно не могла, это было уже за гранью фантастики. А вот влипнуть в историю где-нибудь на берегу...

– Э-э-эля-а-а-а!!! – крикнула Тая во всю мочь. Прислушалась, не донесется ли откуда-нибудь ответ. Потом повторила попытку. Но оба раза в ответ слышны были только шум ветра да плеск воды. Да из ворот новоявленного особняка кто-то выглянул один раз, ненадолго. Тая постояла уже молча, осматриваясь. Что оставалось делать? Только обходить это озеро берегом! Это сколько же получится километров?! А если еще окажется, что впустую... У Таи от одной этой мысли ноги сразу отяжелели. И потом, в какую сторону идти? Еще немного подумав, Тая решила: вначале к особняку. Он стоит на берегу, может, оттуда видели Эльку в ближайшие несколько дней?

Когда Тая подошла к воротам и нажала на кнопку звонка, оттуда выглянули почти сразу. Судя по камуфляжной форме, охранник. Он как-то странно покосился на Таю. Не то чтобы подозрительно, но будто даже боязливо, что ясно дало Тае понять: да, Элька здесь побывала! И уже успела оставить о себе яркие воспоминания. Иначе на нее саму так не смотрели бы, явно приняв за сестру, с которой они были очень похожи. Разве что Тая была более ухоженной и иначе одетой, в то время как Элька не признавала ни краски на волосах и лице, ни одежды, которую нужно беречь, тем самым ограничивая себя в возможностях.

– Здравствуйтесь, – поспешила сказать Тая, демонстрируя свои мирные намерения.

Охранник еще какое-то время продолжал обалдело пялиться на нее, но потом все же кивнул. А потом и выдал из себя:

– По какому вопросу?

– Я сестру ищу. Вы ее наверняка знаете, она на меня очень похожа. Не скажете, когда ее видели в последний раз? Она часто бывает на этом озере.

– Сейчас хозяина вызову, – буркнул охранник, невежливо прикрывая перед Таей цельнометаллическую калитку.

Хозяин, стриженный «ежиком» крупный сероглазый блондин, наверняка был уже предрепрежден охранником, потому что в его взгляде Тая не заметила ничего, кроме любопытства. Не торопясь приглашать Таю во двор, он сам вышел к ней за калитку, вместо всяких слов ограничившись кивком головы.

– Я ищу сестру, – тоже не желая растягивать беседу, начала с главного Тая. – Она часто бывает на этом озере, внешне похожа на меня. Не встречали?

– Похожа, как разбитый «жигуль» на иномарку, – окинув Таю взглядом, одновременно и ответил на вопрос, и попытался сделать комплимент ее собеседник.

– А вы не скажете, когда ее видели в последний раз? – сухо спросила Тая, обидевшись за сестру, хотя самой Эльке все подобные замечания всегда были глубоко до лампочки.

– Да черт ее знает, – мужчина скривился, что явно доказывало: Элька успела-таки изрядно ему досадить. – Но дней пять, наверное. Без твоей сестренки всем тут так хорошо, что время летит незаметно.

– Элька не стала бы вам докучать, если бы не было причины.

– Ага. «Зеленый патруль», блин, которой больше всех надо. Но если ты думаешь, что это я озабочен тем, чтобы услатить твою сестренку подальше, то нет, не успел. То есть желание было, конечно, да способа еще не успел придумать подходящего. Может, как отыщешь, с собой ее заберешь? Я бы тебе даже за это заплатил.

– Не сомневаюсь, – Тая не удержалась от усмешки, представив, как мужчина торопливо отсчитывает купюры трясущимися от радости руками. – Только она не поедет. И для начала ее еще надо найти. А не скажете, когда вы ее видели в последний раз, то где именно?

– А вон там, – мужчина указал на деревянные мостки недалеко от тропинки, по которой пришла сама Тая. – Сидела и забор мне сверлила взглядом. Наверняка очередную гадость замышляла. Достала уже! Надеюсь, в этот раз ничего стоящего придумать не смогла и с горя пошла топиться.

– Вы говорите сейчас о моей сестре, – веско напомнила Тая.

– И что с того? Мне-то от этого не легче. Ну а тебе могу только посочувствовать. Не в том, что пропала, а в том, что как раз сестра.

– Спасибо, не стоит.

– Ну, как хочешь. А насчет моего предложения все-таки подумай, реально заплачу, если сумеешь увезти ее отсюда подальше. Ладно, бывай. Нечего мне больше тебе сказать. Да и некогда.

– И на этом спасибо, – понимая, что больше здесь все равно ничего не добьется, Тая решила не настаивать на продолжении беседы. Уже после того, как калитка за хозяином закрылась, она взглянула на глазок камеры над воротами. А может, там Элька как-нибудь засветилась? Хотя бы издали? Не попросить ли записи, если есть? Но вряд ли дадут, хозяин выглядит не настолько любезным. Скорее пошлет подальше. Так куда теперь идти, что делать? Повернувшись лицом к озеру, Тая растерянно оглядела его берега. За один день она точно все это не обойдет. И даже за два, наверное, тоже. А если Элька не у берега, а немного в стороне от воды, уже в лесу с его неровностями рельефа и молодой порослью? Тогда задача найти сестру вообще начинала выглядеть нереальной!

– Ну и чего ты тут топчешься на ровном месте? – это из калитки снова выглянул охранник.

– Не бойтесь, диверсий не замышляю, – отмахнулась Тая.

– А давно она пропала, сестра-то твоя?

– Четвертый день уже не могу до нее дозвониться. Никогда такого раньше не было.

– Так чего тогда к участковому не идешь? Раз человек пропал, так, значит, официальные органы должны его поисками заняться.

– А ведь это мысль! – Тая даже лицом посветлела. – Спасибо за совет!

– Не за что, могла бы и сама сообразить.

Да, могла бы. Но не так-то просто предаваться размышлениям, когда в душе все сжимается от тревоги.

Возле мостков Тая еще раз, наудачу, попыталась докричаться до Эльки – и снова впустую. Но, размышляла она, направляясь по тропинке обратно через холм, это не факт, что Эльки здесь нет. Как минимум три дня в лесу, без еды и тепла, кого хочешь подкосят, так что, может, Элька и отзывается где-то, да уже таким голосом, которого и в двух шагах никто не расслышит. От таких мыслей Тая даже не заметила, как перевалила через холм. Бегом спустилась к машине. Посидела в ней с минутку, восстанавливая дыхание, и развернулась обратно к поселку. Кабинет их бессменного участкового Трофима Михалыча бессменно же находился почти в самом центре поселка, возле административного здания, ФАПа и библиотеки. Проехать от холма, свернуть направо, а дальше – прямо по центральной улице. Тая, давно не совершавшая прогулок по родному поселку, с удивлением заметила, что он, оказывается, значительно разросся. И даже не за счет количества домов, а за счет их качества и размеров. Если раньше центральная улица, как и остальные, состояла из домишек, почти по самую крышу утопающих в зелени садов, то теперь за высокими заборами там и тут гордо возвышались двух-, а то и трехэтажные коттеджи, которым деревья были разве что «по пояс». То ли местные стали богаче и расстраиваться, то ли городские облюбовали здешние живописные места и начали скупать участки под дачи.

Трофим Михалыч сидел в своем кабинете и что-то мастерил на столе. Он практически не изменился за те годы, которые они с Таей не встречались, разве что усы утратили часть своей пышности. Таю он сразу узнал, что, впрочем, было неудивительно, поскольку Элька маячила у него перед глазами все эти годы. Поднялся из-за стола поприветствовать бывшую землячку, а после сам начал разговор на нужную тему:

– Тут поговаривают, что Элеонора куда-то пропала. Ты, случайно, не в курсе, куда именно?

– Как раз к вам по этому вопросу, – выдохнула Тая. – Ко мне она, как многие тут решили, не приезжала и ехать не собралась. И дома все брошено так, как будто она сорвалась внезапно, уже поздно вечером: собиралась ложиться спать, да так и не легла.

– А почему ты думаешь, что именно вечером, а не утром?

– Кровать разобрана, да не смята. То есть Элька приготовилась ко сну, но лечь в нее не успела. То ли кто-то ее срочно позвал, то ли где-то что-то внезапно увидела и сама туда бросилась.

– Ну, не секрет, что за твоей Элеонорой водится такая привычка.

– Только раньше она имела еще и очень полезную привычку возвращаться домой.

– Ясно, – покивал головой Трофим Михалыч. – Ну и что ты предлагаешь?

– Я? Вообще-то я пришла к вам за помощью. Надо лес обыскать, берег озера. Может, даже собак к этому делу привлечь, так быстрее получится. Элька ведь уже третий день... нет, уже четвертый, – поправилась Тая, прикинув на пальцах, – без всякой помощи, которая наверняка ей сейчас очень нужна.

– Так, – Трофим Михалыч вытащил из ящика стола и придвинул Тае листок бумаги. – Тогда давай пиши заявление о пропаже сестры. Дадим делу официальный ход, так гораздо быстрее и проще помощь организовать, чем созывать сельчан на поиски в разгар огородного сезона. Ну и, опять же, ты ж хотела, чтобы с кинологами...

После того как было написано заявление о пропаже и была вызвана из города опергруппа, Трофим Михалыч кивнул Тае:

– Теперь останется только ждать. Обещали через пару часов подъехать.

– Так что, они ее в сумерках разыскивать собираются?! – вскинулась Тая. – Или вообще завтра с утра? Это же для Эльки еще одна ночь в лесу!

– Не шуми, это делу не поможет. Приедут, как только смогут – сапоги-скороходы на обеспечение полиции никто еще не выделял. А если ты так о времени беспокоишься, то пошли для начала сходим к вам домой. Взгляну на все сам – может, найдем какую зацепку, по которой хоть понять можно будет, в какой стороне твою Эльку вообще разыскивать.

– Поехали, – буркнула Тая, поднимаясь из-за стола, где писала заявление, и забирая положенные на столешницу ключи от машины.

Несмотря на пресловутый разгар огородного сезона, возле Элькиной калитки прохаживалась уже не одна, а три соседки.

– Ну что, как успехи? – первой спросила приехавших тетя Рита.

– Кабы успехи были, мне бы не было нужды сюда приезжать, – резонно ответил Трофим Михалыч, вместе с Таей направляясь к калитке и закрывая ее перед остальными. – Без нужды во двор прошу не заходить, возможные улики не затапывать.

Улики! Это слово, хоть и произнесенное не вполне серьезно, неприятно кольнуло Таю: разве речь идет о каком-то преступлении? Сестра всего лишь пропала, и ее просто надо найти, чтобы помочь ей вернуться домой. К тому же все, что было можно, во дворе уже наверняка затоптали куры. Однако Тая промолчала, гостеприимно распахивая перед Трофимом Михалычем дверь. Он вошел, вода по сторонам головой от самого порога. Тая шуганула с крыльца снова собравшихся кур, закрыла входную дверь, включила везде свет, чтобы лучше было видно. Трофим Михалыч не спешил делиться с Таей своими наблюдениями и ничего не тро-

гал, пока только смотрел. Так, молча, они прошли прихожую, кухню, собственно комнату. И лишь там, оглядев уже упомянутую Таей кровать, участковый уважительно кивнул:

– Молодец, Таисия, правильно подметила про постель. Есть в тебе задатки детектива. Ты здесь ничего не трогала?

– Бутерброд только выбросила курам из микроволновки – вонял.

– Эх, зря. Хотя теперь уже поздно жалеть, назад его не вернешь. Но мало ли, пригодился бы для какой-нибудь экспертизы, по разложению более точно время Элькиного ухода установить. Сорвалась-то она действительно внезапно, даже быстрее, чем ты думаешь.

– Это с чего вы взяли?

– С ее обуви. Я-то в отличие от тебя более-менее знаю, кто у меня здесь в чем ходит, машинально подмечаю, особенно если часто встречаемся. Так вот, кроссовки Элеонорины стоят на месте, в прихожей. И босоножки ее там же. А вот тапок домашних нет. Ни в прихожей, ни в комнате. Выходит, она прямо в них куда-то стартанула?

– Вот чумовая! – охнула Тая. – Теперь понятно, из-за чего она могла ногу подвернуть! Надо же было додуматься – в лес да в домашних тапочках! – Она нервно взглянула на часы. – Ну когда она уже там приедет, эта ваша опергруппа?

– Пойдем пока с народом во дворе потолкуем. Ритка, поди, уже со всех показания собрала, у кого какие были, так что с нее и начнем.

Народу за время отсутствия участкового и Таи подтянулось к калитке еще больше. Но опрос так и закончился, не начавшись, потому что никто ничего не знал, ровным счетом без каких-либо «но». Даже местный пьяница Тереха, вечно разгуливающий по ночам в надежде, что удастся чем-нибудь поживиться с чужого двора. Эля относилась к нему с сочувствием, за что заслужила его почти собачью преданность, и он в лепешку готов был разбиться, чтобы помочь. Но даже он смог вспомнить только, что в ночь Элиного исчезновения видел, как по поселку проехала незнакомая машина. Темная, «из дорогих». Но ни номеров, ни тем более марки Тереха точно назвать не смог, да и к Элиному двору машина не подъезжала, остановилась поодаль, так что вряд ли Эля могла на ней куда-то отправиться. В общем, все, включая Тая и Трофима Михалыча, сошлись на том, что надо устраивать поиски, потому что только они могут дать какой-нибудь результат.

Вопреки Таинным опасениям, на поиски вышли в этот же день, и не под вечер, а вскоре после обеда. Собака, на которую Тая возлагала такие надежды, от дома взять след не смогла, зато число поисковиков значительно возросло благодаря сельчанам, ради такого случая все же оторвавшимся от своих огородов.

– Да здесь следы уже все затоптали! – крикнул кто-то из них кинологу. – Надо ближе к озеру идти! Там народу меньше ходит, зато Эльке там всегда было как медом намазано! Может, там псина снова след и возьмет. Главное, чтоб не старый, а самый последний, свежий.

На том и порешили, и от Элиного дома поисковики взяли направление снова к холму. Тот, кто это предложил, не ошибся: след собака действительно взяла. Но куда он приведет, и без этого могла сказать подавляющая часть поисковой группы: вниз, с холма, к озеру.

– Если бы купаться пошла, то хоть одежду бы оставила на берегу, – высказалась тетя Рита, оглядывая мостки.

– А прийти к озеру и хотя бы не окунуться она не могла, не тот человек, – добавил Тереха. – Может, собака взяла старый след, предыдущий?

– У нее такими, предыдущими, тут все истоптано, – устало отозвался Трофим Михалыч. – В общем, так, ребята: зная Элеонору, смело могу сказать, что в первую очередь надо искать возле озера. Давайте-ка разделимся на группы: одна пойдет по правой половине берега, а другая – по левой. И если не повезет, то встретимся, пройдя половину озера каждой группой. А вам пока есть смысл еще раз обыскать вершину холма – может, действительно там найдется след, ведущий куда-то еще, кроме воды, – обратился он к кинологу. – Элеонора у нас девушка

весьма своеобразная. Хотя до этой поры была вполне предсказуема, да и не терялась никогда прежде. Не иначе как действительно с ней в этот раз случилась какая-то неприятность...

Да, случилась! И не неприятность, а самая настоящая беда. Но, строя свои догадки, никто из сельчан даже предположить не мог, какая именно! Никто и подумать не мог, что Эльку они найдут в воде, в ее воде, в которой она всегда чувствовала себя как рыба. Найдут по яркому пятну от ее домашней майки, прибитой к островку камышей. Холодную и безнадежно мертвую, как ни отказывалась в это верить зашедшаяся в истерике Тая. Так получилось, что именно та группа, в которой была она, и обнаружила тело, едва заметно покачивающееся на легкой водной ряби. До последней секунды, пока шагнувший в воду доброволец не развернул труп так, что всем стало видно лицо, Тая не верила, что это окажется ее сестра.

Она и сейчас отказывалась в это верить – безутешно рыдала, упав на колени и уткнувшись в грудь присевшего перед ней Трофима Михалыча, но нет-нет да и отрывалась от него, чтобы еще раз взглянуть на тело, уже вытасченное из воды. В безумной надежде, что вдруг волшебным образом что-то изменится, и окажется, что это все-таки не Элька, а кто-то совершенно другой. Но это по-прежнему оставалась она, ее сестра, серовато-синяя, какая-то вся испаранная, с разбухшими в воде, но все равно хорошо узнаваемыми чертами. Как Тае хотелось, чтобы все это оказалось всего лишь нелепой ошибкой! Но ошибки быть не могло. Как сквозь сон Тая слышала голоса, видела деловито снующую вокруг сестры полицию. Тетя Рита приняла Таю на свое попечение у Трофима Михалыча и все порывалась увести ее отсюда, но так и не могла – Тая упорно стояла здесь, на берегу, словно ее присутствие что-то еще могло изменить. Стояла, вся трясаясь, захлебываясь от то стихающих, то вновь накатывающих рыданий. Стояла до тех пор, пока тело сестры не положили на одеяло, чтобы унести к машине, которая не могла сюда подъехать. И только тогда пошла следом, не теряя мокрое одеяло из вида.

Потом была подробная беседа полиции с сельчанами и осмотр квартиры. Руководил всем Трофим Михалыч, Тая была не в состоянии даже присутствовать при этом. Тетя Рита увела ее к себе, и там Катя, местный фельдшер, вколола ей что-то успокоительное. Но Тае не хотелось успокаиваться. Ей хотелось просто проснуться, чтобы убедиться в том, что все это было лишь ночным кошмаром, самым страшным из всех, что ей когда-либо снились.

Но кошмар не прошел даже тогда, когда Тая действительно проснулась, утром, дома у тети Риты, на чужом диване. И под сочувствующими взглядами-вздохами своей доброй соседки начала осознавать, что он уже никуда не денется, этот кошмар, и что сестру ей действительно придется хоронить. Навсегда, единственного во всем этом мире родного и близкого человека. Да, Эля с Таей редко виделись, но от одного лишь осознания того, что Элька живет в своем поселке, Тае становилось теплее. А теперь – все. Не будет больше ни затяжных телефонных разговоров, ни редких встреч в доме, где тебя ждут. Вообще ничего. Один холод и пустота на душе, страшные, как бездонная пропасть. Потому что сестры не стало в ее неполные тридцать один год. И никогда уже больше не будет, всю оставшуюся Таину жизнь.

Все еще находясь в состоянии какой-то прострации, все еще не в силах до конца поверить в то, что произошло, Тая дозвонилась до своего начальника, взяв оставшуюся до отпуска неделю за свой счет. Эту неделю шеф дал ей без разговоров, несмотря на напряженный график в связи с сезоном отпусков – наверное, по Таиному голосу понял, что в ближайшие дни она все равно не работник. Так же машинально Тая делала все остальное: умывалась, ела. Если бы не тетя Рита, заботливо подсовывающая ей то омлетик, то булочку, Тая, наверное, и вовсе не вспомнила бы о еде. Расшевелилась она только к обеду – им с Трофимом Михалычем предстояло ехать в город, где уже должны были провести вскрытие Элькиного тела.

Вскрытие. Тая старалась не произносить этого слова даже в мыслях, но тем не менее рвалась туда, где это происходило. Сама не знала, зачем. Знала только одно: сестра не должна была, просто не могла утонуть! А Трофим Михалыч, которому необходимо было завезти в про-

курутуру какие-то документы, пошел ей навстречу, согласившись взять с собой в эту поездку. И, наверное, сильно пожалел о своем согласии, когда Тая закатила там сцену, услышав, что дело закрыто, поскольку по результатам вскрытия причиной смерти стало естественное стечение обстоятельств. Но Тая отказывалась верить как следователю, так и бумагам, которые он пытался ей показать. Она знала одно: утонуть Элька никак не могла! Не могла – и все тут! Это было так же немислимо, как разбившаяся птица, внезапно, прямо в небе, вдруг разучившаяся летать! В результате, то ли понимая Тайны чувства, то ли просто желая наконец-то избавиться от нее, следователь договорился о том, чтобы она сама лично побеседовала с патологоанатомом. Они созвонились, и тот согласился ее принять, после чего Трофим Михальч, сдерживая недовольство, сопровождал ее до места в компании еще с каким-то сотрудником.

В судебном морге, вопреки Тайным опасениям, не оказалось ни кафельных стен, ни зловещих стальных столов в человеческий рост – ничего такого, что она с содроганием представляла себе, настаивая на этой беседе. Патологоанатом принял ее у себя в кабинете, в обычном кабинете с письменным столом и даже с пальмой в кадке у окна.

– Здравствуйте! Это вы... – тут Тая запнулась, – занимались моей сестрой?

– Присядьте, – невозмутимый мужчина лет пятидесяти указал ей на стул. И только после того, как Тая приняла его приглашение, перестав нависать над ним демоном правосудия, ответил на ее вопрос: – Да, я.

– И что?! – Тая подалась вперед, продолжая сверлить его глазами.

– Ответ на ваш вопрос есть в моем заключении. Если бы вы внимательно и спокойно с ним ознакомились, вам не пришлось бы сюда приходить.

– Из вашего заключения я поняла лишь, что, по-вашему, молодая и здоровая девушка, с раннего детства плававшая, как морская богиня, каким-то чудом ухитрилась утонуть. Но я не верю этому заключению! И вы бы не поверили, если бы хоть немного знали мою сестру!

– Да, вы правы, я ее не знал. Но зато у меня имеются кое-какие знания в области судебно-медицинской экспертизы, а еще я привык доверять своим глазам. Глаза же, милая девушка, говорят мне о том, что на теле вашей сестры нет иных повреждений, кроме как полученных уже посмертно, за прошедшие три дня, от голодных обитателей озера, раков и рыб, а также от достаточно сильных подводных течений, протаскивших ее по донным камням. Тело в такой стадии разложения еще не должно было всплыть, и его, учитывая температуру озерной воды, не нашли бы так быстро, если бы не эти самые течения, прибавившие его к берегу. Они же, вкуче с местной фауной, нанесли ему некоторые повреждения. Но больше, помимо этого, я ничего не нашел – ни ссадин, ни гематом. Это значит, что никто, как можно было бы предположить, не оглушал и не сталкивал вашу сестру в озеро, где она могла бы захлебнуться в бессознательном состоянии. Кроме того, вода в ее легких исключительно озерная, чистая, без ила и без каких-либо посторонних примесей – это значит, что утонула она именно в этом водоеме, и довольно далеко от берега, где могла нахвататься частичек грязи. И точно не была утоплена где-то, как можно было бы заподозрить, а уже потом привезена и сброшена в озеро в попытке имитировать несчастный случай. Я пока понятно вам все объясняю?

Тая только кивнула, вынужденная присмиреть перед этим спокойным голосом, излагающим ей одни голые факты.

– Хорошо. А вот теперь перейдем к вашему заявлению касательно здоровья вашей сестры. Вы утверждаете, что она была абсолютно здоровой девушкой. Тут я готов вам возразить. Опять же, по результатам вскрытия. Состояние ее почек и мозговых тканей – как видите, я поработал над телом на совесть – говорит о том, что утонула ваша сестра не потому, что не умела плавать, нет. Она лишилась чувств в воде из-за резкого падения уровня сахара в крови. Сейчас это все, что я могу сказать. Либо у вашей сестры был диабет, и она могла принимать какие-то средства, понижающие сахар...

– Не было у нее ничего такого! Диабет! Да Элька носилась как конь!

– Все зависит от характера людей. По некоторым до последнего не скажешь, что они больны. Но у этой версии и в самом деле есть слабые места: подобные лекарства назначаются врачом, а ваша сестра, как уже выяснили, не состояла на учете у эндокринолога. Самолечение? Или неформальная консультация врача? В наше время все возможно. Но в желудке вашей сестры я не нашел ни малейшего следа принятых препаратов. Он был абсолютно пуст. Остаются уколы, следа от которых я, учитывая посмертные повреждения тела, все-таки мог и не отыскать. Но уколы, как правило, начинают применять уже на более серьезной стадии заболевания. А кроме того, пациентов при этом обязательно предупреждают, что после каждой инъекции просто необходимо что-либо съесть, иначе это может привести к фатальным последствиям. Я не думаю, чтобы ваша сестра оказалась бы столь легкомысленна, что могла пренебречь этой рекомендацией и пуститься в дальний путь, не прихватив с собой хотя бы кусочек хлеба.

– Да не было у нее диабета! Не было, я гарантирую! Элька никогда не жаловалась на самочувствие, уж это-то мимо моего внимания не прошло бы!

– Может, просто не хотела вас беспокоить? Впрочем, как я уже говорил, я тоже не слишком склоняюсь к версии с диабетом. Есть другое заболевание. Так сказать, диабет наоборот, когда поджелудочная железа вырабатывает не мало, а, напротив, слишком много инсулина. Больше, чем требуется нормально функционирующему организму. Теперь уже поздно говорить о том, какие симптомы могли быть у вашей сестры и в какой стадии развития находилась эта патология – сбой может возникнуть на крохотном участке поджелудочной железы, который теперь практически нереально найти, учитывая посмертные изменения. Да и нет уже в этом смысла. Обследоваться необходимо было прижизненно, включая многочисленные биохимические анализы крови. Но ваша сестра, скорее всего, не придавала значения тревожным симптомам – ну, закружилась иногда голова, ну, икру судорогой свело, ну, охватило внезапное чувство голода. Она ведь всегда могла поесть, вернув тем самым свое самочувствие в прежнее русло. Но ее интенсивная пробежка к озеру на абсолютно голодный желудок, а потом еще и плавание, согласитесь, во все еще весьма холодной воде могли спровоцировать резкое падение сахара в организме. Небывало резкое, какого прежде не наблюдалось. В результате – судороги и кома. Даже на суше у человека в таком состоянии мало шансов спастись, а уж в воде...

– Элька всегда была здорова! – снова повторила Тая, хотя уже и не так уверенно.

– Внешне – да, возможно. К сожалению, такие заболевания трудно диагностировать на ранней стадии. Как я уже сказал, даже посмертно, при вскрытии. Но я не нашел других причин смерти вашей сестры. Я соболезную вам в вашем горе, однако ни вы, ни я уже ничего не можем здесь изменить. Бывают такие роковые стечения обстоятельств. Судьба, если хотите.

– Не хочу! – Тая всхлипнула. – Я не верю в то, что это случилось!

– Да, в это трудно поверить. Но если бы вы знали, сколько вообще бывает несвоевременных и нелепых смертей! Даже я, бывалый человек, и то порой ужасаюсь.

С этими словами врач проводил Таю к выходу, где они и расстались. Он – чтобы вернуться к своей работе. Она – чтобы заняться вопросами о похоронах. Элькиных похоронах! Никогда бы даже подумать не могла о том, что когда-то придется этим заниматься! Разве что через много-много лет, когда бы они с Элькой были уже древними седыми старушками. И, наверное, от нелепости, от нереальности происходящего все не оставляла Таю мысль о том, что что-то нечисто с Элькиной смертью...

Таино участие в подготовке к похоронам ограничилось оформлением необходимых бумаг. Со всем остальным помогли сельчане – гроб, машина, могила и даже поминальный стол. Стряпню взяла на себя в основном тетя Рита, хотя и прочие соседки тоже немало в этом помогли. А могилу выкопал Тереха. Вызвался сам, утирая пьяненькие глаза рукавом, а после отверг предложенную Таей бутылку:

– Что ты, Тайка, убери. Я не за награду. Я так, чтобы хоть что-то для Элочки сделать.

И Тая убрала, поняв, что оскорбит его в лучших чувствах, если будет сейчас настаивать. Решила, что лучше потом его угостит. Время на это было – после похорон Тая решила остаться, пожить в родном доме. Вот как, оказывается, судьба ломает приоритеты! Еще недавно Тая не могла дожидаться отпуска ради своей поездки в вожделенную Грецию, а теперь и думать об этом не могла. Хотелось просто пожить в тишине и покое. В родном доме, где Тая так давно уже не жила, а лишь появлялась, изредка и ненадолго, как гостя. В добром и милом доме, где все напоминало ей о сестре.

По пути на кладбище Тая зябко куталась в черную, еще бабушкину шаль. Шла одна, вежливо отклонив попытки односельчан составить ей компанию. Ее горе было слишком велико, чтобы хоть с кем-то пытаться сейчас о нем говорить. Что было бы неизбежно, если бы с ней рядом кто-то был. В свете этого оставалось только радоваться, что девчонки с работы не смогли к ней приехать, ограничившись лишь соболезнованиями, переданными по телефону, – с ними Тае неизбежно пришлось бы общаться. А так никто ее не тревожил, и она шла, захваченная своими чувствами, не отрывая глаз от дороги.

Небо сегодня было все сплошь затянуто низкими темно-серыми тучами, как будто любимое Элькино озеро тоже нашло способ выйти из берегов и проводить ее в последний путь. Но дождя не было. Ни одной капли не упало на дорогу, от которой Тая упорно не поднимала глаз. Только на самом кладбище она огляделась по сторонам. И только сейчас заметила среди собравшихся Метелина. Как он здесь оказался? Кто ему сообщил? Тае, наверное, самой бы следовало это сделать – Элька хорошо относилась к Метелину, продолжая общаться с ним даже после того, как они с Таей развелись. И никогда не одобряла этого развода. Так что, подумала Тая, кто бы ему ни сообщил, но это хорошо, что он здесь. Пусть попросается. Увидев, что Тая смотрит на него, он молча ей кивнул. Больше ничего и не требовалось – серьезный, мрачный, все остальное он выражал своим видом, лучше любых слов соболезнования. Тая ответила ему таким же молчаливым кивком, стоя по другую сторону от только что зарытой могилы, на которую люди принялись укладывать венки и цветы.

К Тае Метелин все-таки на обратном пути подошел. Молча предложил ей взять его под руку. В другое время Тая отвергла бы этот знак внимания, но тут приняла, уложила ладонь на мягкой ткани его рукава, ощущая под ним мускулистое предплечье. Давно забытое ощущение, как будто последний раз она ходила с бывшим мужем под руку не два, а все сто лет назад.

– Мне очень жаль, – наконец-то сказал Метелин. – Даже слов нет.

– И не надо. Какие тут могут быть слова? – Тая помолчала, потом спросила: – Кто тебе сообщил?

– Девчата с твоей работы.

Лучше бы не спрашивала! Потому что «девчата» – это наверняка Лидка Проголова, которая строила Метелину глазки еще во время их с Таей совместной жизни. Лидка познакомилась с ним на дне рождения одной из их общих коллег, с которой Тая была дружна и оттого была приглашена туда вместе с мужем, и после этого знакомства весь вечер прохода ему не давала. Да и позже, правдами и неправдами, не упускала случая оказаться в тех компаниях, где бывали Тая с Метелиным. А уж когда в их семье дошло до развода, то Лидка, насколько было известно Тае, быстро попыталась занять ее место на едва остывшем семейном ложе. Удачно или нет – о том история умалчивала, но, судя по дальнейшему развитию событий, удача если и была, то длилась недолго. Однако остался же у Лидки номер метелинского телефона! Поймав себя на этих мыслях, Тая разозлилась сама на себя: нашла о чем думать, едва похоронив родную сестру! Разве на этом фоне все остальное могло быть важно?! Или все-таки было, и именно поэтому Тае так мучительно дался этот развод, инициатором которого она сама же и являлась? Но не сейчас же об этом думать! В любое другое время, только не сейчас! Однако давно уже Метелин не шел так близко от нее, предложив руку...

В саду, под навесом, где, составив столы, накрыли один большой стол, несколько ребятшек были оставлены его сторожить и с хворостинами в руках отгоняли кур.

– Тетя Рита, заберете себе Элькиных кур? – спросила Тая, глядя на сбившихся поодаль в кучку птиц, алчно взирающих на недоступные им яства.

– Да ты что, Таечка? Куры-то породистые.

– В том-то и дело. Мне больше некуда их пристроить, разве что в суп. Но жалко. Элька ими дорожила, и, опять же, породистые, – Тая всхлипнула, вспомнив, как когда-то они с Метелиным сами привозили Эльке копошащиеся в картонной коробке попискивающие пушистые комочки. С элитной птицефермы, с которой договаривались через Интернет, желая сделать Эле сюрприз. И с каким восторгом сестра приняла подарок, и как она возилась с цыплятами, умиленно сюсюкаясь...

– Ладно, Таечка, после поговорим, – сдалась тетя Рита. – А пока пойдем за стол, все уже собрались.

– Ну а я поеду, – Метелин осторожно высвободил свою руку из Таиной, задержал ее пальцы в своей ладони. – Мне очень жаль, Тай. Эля была замечательным человеком.

– Как так поедешь, Алеш? – вместо Таи начала возражать тетя Рита. – Что, и поминальную с нами не выпьешь за Эльку? И даже за стол не присядешь? Ну, не по-людски это.

– Я с ней простился, это самое главное. А за столом да без рюмки уже никак не обойдется. Мне же пить нельзя, я ведь за рулем.

– Ну, много не пей, завтра и поедешь. Если надо на работу, то выедешь пораньше.

– Да нет, на работу мне завтра не надо, я сейчас работаю вахтовым методом. Так что весь вопрос упирается в то, что мне потом придется где-то ночевать.

Тетя Рита приоткрыла было рот, явно готовясь предложить Метелину место в своем доме. Но Тая решила ее опередить:

– Заночуешь на своем старом месте, на диване в гостиной. А я сегодня лягу на Элькиной кровати. Мне так будет не очень жутко провести первую ночь в опустевшем доме. Что же касается тебя, то, если я не окажу тебе гостеприимства, Элечка мне этого не простит.

Метелин печально улыбнулся, вспоминая, наверное, Элины хлопоты в дни их с Таей приездов. А потом кивнул:

– Хорошо. Раз этот вопрос решен, то пойдем за стол. Нас ждут.

Так получилось, что уже рассеявшиеся гости оставили Метелину место во главе стола, рядом с Таей. И он, не возражая, взял на себя роль хозяина. На пару с тетей Ритой руководил застольем и наряду с другими сумел произнести в Элин адрес немало хороших и добрых слов. Явно не надуманных, а от души. А по окончании застолья взялся помогать Тае и другим женщинам с посудой и разборкой столов. Он всегда был таким – хозяйственным и не делящим работу на «мужскую» и «женскую». И если уж не уехал, то, не отлынивая, брался за все, что попадалось под руку.

– Спасибо тебе, – сказала ему Тая, когда уже поздно вечером они остались дома одни. Сидели у окна, друг против друга за кухонным столом, отдыхая от закончившейся суеты перед тем, как отправиться спать. – Я, конечно, понимаю, что прежде всего ты старался сегодня ради Эли, но все равно спасибо и от меня тоже.

– Не за что, – он повел плечами, словно отмахиваясь. А потом, после недолгой заминки, попросил: – Тай, скажи мне, как это все-таки случилось? Я слышал, что она утонула. Но ведь это же бред.

– Я тоже так думала. Но у нее, оказывается, развивалось заболевание, о котором она вряд ли даже подозревала. Но из-за него-то все и произошло. – Тая рассказала Метелину о своей поездке в прокуратуру и о беседе с патологоанатомом. – И это все, чем он смог объяснить случившееся. Да и мне других причин не придумать. Знаю, что завелся у нее тут недоброжелатель, построивший себе хоромы на самом берегу. Но если бы этот субъект взялся разобраться

с Элькой, на ее теле ведь должны были остаться хоть какие-то следы. Даже в том случае, если бы они ее оглушили. А уж если бы нет... Ну, ты же знал Эльку не хуже меня. Тогда она точно ввязалась бы с ними в драку, и синяки были бы по всему ее телу. И на тех субъектах остались бы отметины – Элька бы им это устроила! Однако я разговаривала с ними, с одним из охранников и с хозяином, и не увидела на них ни единой царапинки.

– Да... – Метелин вздохнул. – Как нелепо все вышло! Просто до абсурда! Элька и вода всегда были неразделимы. И вот...

– Все это повторяют на разные лады, не сговариваясь. Я и сама постоянно об этом думаю. Вот только исправить этими словами ничего уже невозможно.

Они снова помолчали, потом Метелин спросил:

– Ты-то теперь как?

– А то ты не представляешь! Лучше бы не спрашивал. Знаешь ведь, как я относилась к Эльке, кем она была для меня. Не просто сестрой...

– Да это-то я как раз представляю. Я имел в виду – как ты теперь вообще живешь?

– То есть тебя интересует, как я обхожусь без прелестного мальчика Леши Метелина?

– Тай, ну не надо, не заводись. Я же просто поинтересовался. И потом, если ты помнишь, совсем не я подал заявление на развод.

– Ну да, конечно! Не ты подал заявление, не ты сделал аборт. Ты вообще у нас всегда был белым и пушистым, и Элька тебя считала таким, – Тая обхватила лицо руками. – Ну вот, понесло... Но ты сам виноват. Просто не нужно свежераненого человека бить еще и по старым болячкам. Ну все, проехали. Давай уже укладываться, завтра нам рано вставать.

– Нам?

– Да, и мне тоже. Надеюсь, ты возьмешь меня завтра с собой в город? Сама я сейчас боюсь садиться за руль, не в том состоянии. Так что хоть в один конец проеду не на автобусе. Хочу добраться до турагентства, чтобы сдать путевку. Не хочу никуда...

– Для этого нам вовсе не обязательно выезжать спозаранку.

– Я завтра же еще и обратно вернуться хочу. А у автобусов свое расписание.

– Если хочешь, я же могу тебя потом и отвезти.

– Нет, не надо. Не хочу злоупотреблять твоей добротой.

– Ну, смотри, как знаешь. Мне вообще-то несложно, – он покосился в сторону плиты. – Может, поставим чайник? Я бы не отказался сейчас от чашечки, все пересохло во рту.

– Да, конечно, – Тая поднялась, налила воды в чайник, щелкнула зажигалкой. – Простой чай будешь или Элечкин, с травами?

– Если есть.

Тая привычно поискала в буфете, вытащила заварку, насыпала в заварные ложечки Элькин, сборный. Метелин всегда его любил.

– Расскажи и про себя. Как живешь? Где работаешь, что на вахту ушел? – спросила она между делом, не глядя на него. В свое время его работа была у них большой темой: желая обеспечить их молодую семью, Метелин за что только не хватался, из-за чего Тая практически не видела его дома. После армии, пока они с Таем только встречались и Метелин еще учился, он служил в пожарной части. Потом, после свадьбы, устроился сварщиком, а еще успевал таксовать по вечерам, плавно перетекающим в ночи. Деньги домой он приносил, но это не в состоянии было избавить Таю от подозрений и мук ревности: удавшийся и лицом, и фигурой, сильный и мужественный, Метелин всегда пользовался вниманием женщин. А тут – поди, узнай, где его в самом деле носит и отчего он действительно так выматывается, что почти уже не смотрит на Таю, как бы она ни старалась следить за собой.

– Работаю на Севере, – ответил он. – Тянем трубопровод. Это ведь как раз по моей части – сварочные работы в экстремальных условиях. Нередко приходится работать и под водой, на

дне моря. Так что Эльку я часто буду теперь вспоминать. Я всегда был уверен, что в прошлой жизни она была русалкой.

«Ну, тебе-то русалок, наверное, и на суше хватает», – с горечью подумала Тая. Но вслух, конечно, ни слова не произнесла – все это уже не так обжигало душу, как в первое время после развода, особенно когда не гипотетическая «русалка», а вполне реальная Лидка на работе чуть ли не ежедневно упоминала среди сослуживиц его имя. Имя, которое Тая мучительно пыталась и все же не в состоянии была забыть. Тогда Тая не знала, на какие бы шипы ей броситься, чтобы только уравновесить ту боль, что бушевала внутри. Теперь же, два года спустя, когда все это было уже позади, она вполне могла удержаться от того, чтобы выказать свои чувства бывшему мужу. Мужу, который однажды, в усталости и раздражении, бросил Тае, капризничавшей из-за раннего токсикоза:

– Ну, если для тебя это так невыносимо, так сделай аборт!

А она пошла и сделала! Не смогла тогда простить ему этих слов, так все горело в душе! Ведь он так отозвался о святом – об их ребенке! Об их совместном малыше, о котором Тая с таким трепетом сообщила будущему отцу! И в один миг захлестнувшей ее обиды вдруг решила, что тот, кто способен на такие слова, отцом быть недостоин. Об этом Тая не переставала твердить себе, когда переступала порог злосчастной клиники. То, что она своим поступком наказала не только Метелина, но и себя, и своего малыша, так и не появившегося на свет, Тая осознала гораздо позже. Тогда, когда ничего уже нельзя было исправить – ни сделанного, ни их с Метелиным отношений, и так довольно напряженных из-за всех бытовых неурядиц, но после этого давших глубокую трещину, через которую уже нельзя было переступить. Она во всем винила его, а он, когда узнал о случившемся и сумел прийти в себя от шока, – ее.

– Да мало ли, что я мог сказать?! – кричал он тогда. – Сказать и сделать – это разные вещи! Да, я ляпнул сгоряча, но ты, обозлившись, пошла и сорвала свое зло не на мне, а на другом! На ни в чем не повинном ребенке, который даже не мог себя защитить!

– Думать надо было, что говоришь! – кричала Тая, обливаясь слезами.

– Хорошо, давай! – орал он в ответ. – Пару недель назад, если помнишь, ты пожелала мне сдохнуть! Так мне что, тоже надо было кинуться выполнять?!

Тая совершенно не помнила, когда она ему такое желала. Но ей тогда было очень-очень плохо – токсикоз. Так что у Метелина память в любом случае была лучше. А выдумывать он, насколько Тая его знала, ничего бы не стал. Значит, действительно крикнула как-то в запале, не придав своим словам никакого значения и сразу про них забыв...

Чайник вскипел, тоненько пискнул свистком. Тая выключила его, разлила кипяток по подготовленным чашкам. Метелин, никогда не разделявший работу по дому, все-таки раньше любил, чтобы чай ему наливали жена. Или действительно так уставал, мотаясь с одной работы на другую, что порой уже просто не оставалось сил даже на такое нехитрое действие? Элька всегда оправдывала его, всегда защищала, оставаясь с Таей наедине. Активно в их с Метелиным отношения она вмешалась всего однажды – когда пыталась помирить их с Таей перед самым крахом семейной жизни. Даже приехала ради этого в город. Но ни ее старания, ничто другое уже не в силах были изменить ситуацию: невозможно было склеить то, что оказалось разбитым до основания.

– К чаю вот только ничего нет, – Тая поставила чашки на стол. – Я ночевала пока у тети Риты и сюда, естественно, не покупала ни крошки.

– Но варенье-то есть? – спросил он с надеждой, от которой Тая не сдержала улыбки.

– Держи! – Она достала баночку его любимого, земляничного. – Ты порой прям как дитя малое, честное слово!

Он не ответил. Быть может, тоже вспомнил сегодня об их ребенке, который вполне мог уже бегать по этой самой комнате? Но никогда не побежит. Как никогда уже не смогут быть вместе его мать и отец, так и не сумевшие простить этого друг другу. Хотя, может, и без этого

бы разошлись, только позже? Кто знает? У них в семье далеко не все было гладко. Но все-таки любили друг друга. Тая, например, до сих пор ощущает в душе отголоски этого чувства. И до сих пор не может избавиться от привычки высматривать в городе знакомое лицо, а также знакомую машину, которую он, оказывается, уже поменял. А Метелин? Да кто его знает? Он всегда был скупым на выражение чувств, даже редкие букеты Тае нес всегда с видом: «Это не мое». А уж когда Тая попыталась укорить его в том, что он никогда не говорит ей о любви, он и вовсе раздраженно отмахнулся:

– Сказать легко! Я тебя люблю! Что проще?! И ничего не стоит, заметь! Что ты их все ждешь, этих слов? Ну чем они для тебя важны? И неужели эти повороты языка для тебя ценнее того, что я делаю? Стараюсь обеспечить тебя и наш дом, пашу не покладая рук до изнеможения. Разве тебе этого мало, чтобы понять, как я к тебе отношусь? Непременно нужны еще и какие-то дурацкие слова?!

Тая не знала, что на это ответить, молча обижалась. А он снова исчезал с рассветом по звонку будильника, чтобы приползти домой без сил, уже ночью. Тае оставалось только поражаться тому, что именно это он, кажется, считает любовью. Она же с течением времени начала считать, что это и вовсе не жизнь.

– Тай, у тебя чай остывает, – вернул ее в реальность Метелин. – Устала? Давай я застелю кровати, я ведь еще помню, где что лежит.

– Ну, застели, если несложно, – Тая наконец-то отпила из чашки. – И давай уже спать.

Утром Метелин поднялся раньше Таи. Она слышала, как поскрипывает собираемый им диван в соседней комнате, но не стала вставать – раньше он не любил, когда она поднималась, чтобы проводить его по утрам на работу. То ли нравилось с утра побыть одному, то ли просто ее жалел.

Собрав постель и умывшись, Метелин ушел на кухню. Тая прислушивалась к тому, что он там творит. Взял кастрюльку. Разбил несколько яиц, которые в этом доме пока что еще не переводились. Так, кажется, надумал жарить оладушки, чтобы не идти с утра за хлебом, которого может еще и не быть в сельском магазине в такую рань. А Тая уже и забыла о том, что он неплохо умеет готовить. Элька как-то сказала: «Тайка, желей Алешкины руки! Они у него очень добрые». Тая не придавала тогда значения этим словам. Лишь позже, уже после развода, слушая рассказы других женщин об их семейной жизни, начала сравнивать и осознавать, что он был вовсе не так уж и плох, ее вечно отсутствующий муж. Ну, или хотя бы гораздо лучше того, чем казался ей раньше. И что, наверное, его не боявшиеся работы руки и в самом деле были очень добрыми. И умелыми. А еще – огрубевшими, порой израненными и вечно в мелких порезах и ссадинах, которых было не сосчитать. Охваченная внезапным, хотя и очень запоздалым порывом нежности, Тая поднялась, накинула халат и, пропорхнув через умывальник, вышла на кухню. Она хотела сказать Метелину что-то очень и очень доброе, ласковое. Но он, едва увидев ее на пороге, деловито кивнул:

– Ты вовремя. Завтрак как раз готов.

У Таи разом пропало все ее лирическое настроение. Все как всегда! Деловой сухарь, не ведающий чувств! Или просто удачно ухитряется их маскировать? Но зачем?! Так или иначе, а выяснять это все равно уже поздно, подумала Тая, накрывая на стол.

После завтрака Метелин, как и обещал, отвез Таю в город. На своей новой машине, и весьма роскошной, надо сказать – видимо, неплохо он там зарабатывал, на своем Севере. И доставалось ему там, наверное, соответственно. Ведь, что ни говори, а специализация-то у него, как у сварщика, была непростая, изначально располагающая к риску и повышенным трудностям. Как там было написано в дипломе? «Сварочные работы повышенной сложности в условиях, приближенных к экстремальным»? Ну, или что-то вроде этого.

– Ты-то не хочешь куда-нибудь съездить отдохнуть? – спросила у него Тая, уже выходя из машины возле своего турагентства – по счастью, путевка была у нее с собой, так и болталась в сумочке после покупки, согревая душу на работе.

– Ой, нет, – улыбнулся Метелин. – После возвращения с вахты мне и наш город кажется настоящим курортом.

– Ты там поосторожнее, на своей работе, сильно хоть не надрывайся, – неожиданно для самой себя выпалила Тая, заметив, как у Метелина при этих словах удивленно распахиваются глаза. Она что, раньше никогда ему такого не говорила? Но ведь думала же об этом не раз!

– Постараюсь, – ответил он. – А ты звони, если вдруг что-то будет нужно. Если еще застанешь меня здесь, то дозвонишься. Буду рад помочь, чем смогу.

– Спасибо.

На том они и расстались. Пока он разворачивался и отъезжал, Тая все смотрела ему вслед. Потом пошла по своим делам – жизнь продолжалась даже после Элькиной смерти, а не то что после развода.

Домой Тая заходить не стала – не тянуло в ее холостяцкую городскую «однушку», особенно сегодня, после общения с Метелиным. Поэтому, сдав путевку и заглянув в несколько магазинов, она отправилась назад, «к Эльке». Пусть сестры больше не было на свете, но Тая была почти уверена, что никогда не станет называть их дом по-другому. Так она и ехала в автобусе, думая по очереди об обоих – то об Эльке, то о Метелине, растревожившем ей душу своим приездом. Тая знала, что он заезжал к Эльке и после их развода, нечасто, примерно раз в полгода, и всегда старался подгадать так, чтобы не встретиться с Таей. Это вчера им обоим было не избежать встречи. Элька, отчаявшаяся при жизни все-таки их помирить, стала причиной их свидания после своей смерти.

Перебирая в памяти подробности их с Метелиным свидания и разговора, эти короткие и быстро пролетевшие минуты, Тая, ехавшая на задней площадке автобуса, невидящими глазами смотрела в заднее окно. Мыслями своими она была не здесь, и даже не в сегодняшнем дне. Лишь раз, когда автобус ощутимо тряхнуло на каком-то ухабе, она на несколько минут словно пришла в себя. Для того, чтобы удивиться: за ними следом ехала легковая машина, которую Тая заметила и тогда, когда они с Метелиным выезжали из поселка. И в городе она пару раз мелькнула. Именно эта, сомнений быть не могло.

Тая вообще-то не имела привычки обращать внимание на проезжающие машины, но эта запомнилась. Не маркой, в которых Тая особо не разбиралась, и не цветом – темных машин сейчас было пруд пруди, – а своим номером. 987-й. Тае он запомнился потому, что, если бы в начале приставить к этому номеру единичку, то получился бы как раз год Элькиного рождения: 1987-й. И надо же, кто-то ездил на этой машине в город в то же время, что и Тая. Да еще почти по тому же самому маршруту. Интересно, чья она? Раз возвращается в поселок, значит, кого-то из местных. И если это был кто-то из Таинных знакомых, то вполне можно было бы напроситься в попутчицы на обратную дорогу, вместо того чтобы трястись теперь в автобусе, рискуя прикусить язык при особо норовистых его скачках. Впрочем, теперь об этом думать уже поздно, потому что почти приехали, а водителя легковушки не было видно за притененным лобовым стеклом. И Тая почти сразу забыла о нем, снова вернувшись к своим тягостным думам.

Последующие несколько дней прошли своим чередом. Кур Тая все-таки отдала, но в городе возилась впервые в жизни с охотой, как будто какая-то часть Эльки переселилась в нее. Лишь перчатки все-таки надевала, чтобы не испортить маникюр, которого у Эльки в жизни никогда не бывало. К своим ногтям Элька всегда относилась пренебрежительно, а работать любила голыми руками, чтобы, как она говорила, чувствовать землю.

Раньше Тая часто задумывалась, почему сестра так и не вышла замуж. И даже ни одного серьезного романа не завела. Элька только отшучивалась в ответ на расспросы, ни разу не про-

явив внимания к тем, кто пытался за ней ухаживать. И вот теперь, оставшись в их доме одна, Тая как будто почувствовала этот ответ, поняв сестру изнутри. Элька всегда была не такой, как все, кое-в чем отличаясь от других незначительно, а вот в чем-то – очень даже заметно. И она, сейчас Тая ощущала это, как на себе самой, не нуждалась в пресловутых романах, потому что он у нее был, один и на всю жизнь: Элька была обвенчана с окружающим ее миром. Лес, в котором она знала, наверное, каждое дерево, холм и болота и, конечно же, озеро – со всем этим Элька была связана какими-то незримыми и крепкими узами, которых раньше Тае было не понять. Но сейчас вот, кажется, поняла, и ответ пришел словно ниоткуда. Так же, как спокойная уверенность в том, что она может отныне ночевать одна в их с Элькой доме, и ничто ее при этом не пугает. Потому что если сестра когда и явится ей, то только в образе доброго ангела-хранителя, но уж никак не призрака, способного вселить ужас. Тетя Рита в первые дни все ахала и звала Таю обратно к себе, хотя бы ночевать, но Тая была непреклонна: она приехала домой, дома и останется. И ничто ее здесь не тревожило – ни одиночество, ни потрескивание старого дома, ни шорохи за окном, от которых она уже успела отвыкнуть за годы городской жизни, приспособившись к совершенно иным звукам с улицы. Что иногда будило Таю среди ночи, так это... тишина. Она просыпалась и лежала под своим одеялом, прислушиваясь к тиканью часов как к единственному свидетельству того, что она не одна в этом мире и не попала в какое-то иное измерение.

В очередную такую ночь, когда Тая проснулась, ее снова угораздило вспомнить о Метелине, тоже недавно здесь ночевавшем. Понимая, что эти воспоминания – приговор ее сну, Тая решила ненадолго подняться и выпить чайку, чтобы в процессе от них отделаться. Люстру на кухне включать не стала, зажгла лампу над столом. Поставила чайник, а сама замерла в ожидании, всеми силами пытаясь отогнать от себя назойливые мысли о бывшем муже. Но они все же лезли, как штурмующие крепость войска. Почему вообще он внезапно вспомнился ей? Просто так? Или потому, что тоже о ней сейчас думает? Тогда почему не спит? Просто не хочется, как и Тае сейчас, или же развлекается с какой-нибудь очередной подружкой? Тая знала о нескольких: не виделась с Метелиным все эти два года, лишь иногда он мелькал случайно в толпе, учащая ей пульс лишь одним своим видом, но информацию о нем добрые люди до нее все же доносили.

Особенно задела Таю новость о том, что Метелин начал встречаться с женщиной, у которой был двухлетний ребенок. Ребенок! Пусть и чужой, все равно. Тая после этого известия чуть с ума не сошла, настолько жгучими были охватившие ее тогда чувства, одно из которых – желание во что бы то ни стало увидеть эту новоиспеченную «семейную троицу». Оно так терзало Таю, что она всерьез начала подумывать о том, чтобы устроить засаду перед тем домом, где теперь жил Метелин. И лишь гордость удерживала ее от этого шага – вдруг он ее заметит?! Неизвестно, чем бы оно в конце концов закончилось, это противостояние чувств, если бы судьба не пошла Тае навстречу, позволив ей однажды увидеть всю компанию возле супермаркета. Метелина, женщину и ребенка. Они вышли из только что припаркованной машины, и Метелин подхватил малыша на руки, отправляясь с ним в магазин. Подхватил так естественно, как будто всю жизнь имел дело с детьми, и что-то говорил ему, вызывая улыбку на детском лице, а женщина шла с ними рядом. Тая почти не разглядела ее, совершенно забыв, что вообще когда-то мечтала увидеть ту, кем ее заменили, – все ее внимание было приковано к этим двоим, к Метелину с ребенком, которые смотрелись так гармонично, что у Таи ноги подкосились, и ей вдруг захотелось умереть. Она стояла на углу, не смея шевельнуться, чтобы ее вдруг не заметили, до тех самых пор, пока эти трое не скрылись за зеркальным стеклом дверей. А после, даже не вспомнив, что тоже хотела зайти за покупками, кинулась домой.

Не помня, как, Тая добралась до квартиры, долго рыдала в подушку и всерьез подумывала, не наестся ли ей таблеток. Но поскольку дома из лекарств оказался лишь анальгин, в аптеку идти не было сил, а крови Тая всю жизнь боялась, так что о вскрытии вен и речи быть

не могло, то в конце концов она позвонила сестре, чтобы поделиться с ней переполнившей душу болью. В итоге они с Элькой проболтали полночи. Элечка, родная душа, и уговаривала, и утешала, и развлекала всякими байками. И засыпала в ту ночь Тая уже с одной только мыслью: как же хорошо иметь в этом мире родную сестру! А теперь вот и сестры больше нет, и будут ли еще дети после того, что она натворила?! Тая почти пополам согнулась над столом от скрутивших ее чувств. Как теперь жить?! Дура, которой всего-то и нужно было в свое время, что набраться терпения, как и советовал ей Метелин. Тогда, глядишь, и вся жизнь потекла бы по другому руслу. Проглотил бы в конце концов этот проклятый токсикоз, родился бы малыш, сохранилась семья, и – как знать? – может, и Элька в этом другом, параллельном жизненном сценарии была бы сейчас жива. А теперь...

Во дворе раздался какой-то посторонний шорох, как будто чьи-то тихие шаги. Тая замерла, прислушиваясь к ним. Неужели Метелин приехал, откликнувшись на ее мысли?! Возможно ли это?! Чайник закипел, и Тая нетерпеливо его выключила, а сама снова замерла у окна, у открытой форточки. Шагов больше не было слышно, но определенно во дворе кто-то был. Неразличимый в темноте, но отбрасывающий на дорожку смутную тень в свете стоящего поодаль уличного фонаря.

– Кто там? – решившись открыть форточку пошире, громким шепотом спросила Тая. И таким же шепотом ей ответили:

– Тая, прости! Можно к тебе на минуточку?

Тая разочарованно вздохнула: чей бы это ни был голос, но явно не метелинский. Но мужской. Уж не ухажеры ли у нее тут пытаются завестись? Только этого не хватало!

– Кто вы? Что вам надо? – спросила она, не торопясь кидаться к двери и встречать незваного гостя.

– Да Тереха я. Тай, ты не бойся, я просто телефон сегодня Элин нашел. А когда возвращался, увидел, что у тебя свет горит. Вот и подумал: дай зайду и сразу отдам.

– Телефон? – Тая обмерла, вдруг вспомнив, что его ведь так и не оказалось дома, телефона сестры. И на берегу его не нашли, даже с собакой, безнадежно запутавшейся в многочисленных Элькиных следах. Решили, что утонул или кем-то украден; точнее, можно сказать, подобран, потому что был брошен без присмотра на несколько дней. – погоди минуточку, сейчас открою.

Тереха встретил Таю на крыльце, поддатенький, но не пьяный. И сразу же протянул ей обещанное, не делая попыток войти:

– Вот, держи. Это же Элин, точно, я хорошо его знаю! А я гулял сегодня возле озера и случайно нашел. В кустах, сбоку от тропинки. Как она могла его так обронить?

Тая взяла телефон. Да, Тереха был прав – действительно, Элькин. Тая сразу его узнала, потому что примерно год назад сама дарила сестре этот дорогой аппарат с поддержкой Интернета, хорошей камерой и прочими наворотами. А вот и крохотная наклейка в уголке, размером не больше капли, – потешный щенок, явившийся, наверное, опознавательным знаком уже для Терехи. Тот сделал шаг с крыльца, бросив:

– Ну, я пошел, Тай. Ты извини, что поздно. Если бы свет не горел...

– Постой, – окликнула его Тая.

Тереха застыл как вкопанный, в глазах мелькнула надежда: может, стопочку нальют? Сам не попросил, но того, что успел принять сегодня на грудь, ему было явно недостаточно. Однако у Таи были свои мысли: если бы Тереха продал этот найденный телефон, даже за полцены, то наверняка мог бы безбедно пьянствовать, по крайней мере, полмесяца. И никто бы его за это не вправе был упрекнуть. Но все же он принес телефон Тае. Может, даже специально завернул к ней так поздно, борясь с искушением все-таки оставить его себе и побоявшись, что утром на это уже не хватит духу. Это стоило того, чтобы не отпускать Тереху просто так, сказав ему «спасибо».

– Зайди-ка, – Тая пошире открыла входную дверь. – Мне как раз не спится, так что ты кстати пришел. Давай-ка с тобой поболтаем. Иди, мой руки – и на кухню.

Он что-то попытался смущенно возразить, но Тая не стала слушать, сама затащила его в прихожую за рукав, где он разулся, заставив ее незаметно поморщиться. Чтобы обуздать запах от его не слишком свежих носков, Тая подсунула ему старые метелинские тапочки, с тем, чтобы после их выкинуть. Да, Тереха был спившимся и опустившимся человеком. Но ведь Тая помнила времена, когда он был совершенно другим! Вначале – пухлым малышом-ангелочком, потом – вредным мальчишкой, после – худым и довольно стеснительным пареньком, очень даже на проверку неплохим. Тая вдруг с удивлением подумала, что Тереха младше них с Элькой! Младше Таи! Года, наверное, на три-четыре, раз он ей запомнился маленьким. Когда же он успел так бездарно пустить под откос свою жизнь? Что за метаморфоза с ним случилась?! Спрашивать как-то неудобно, а самой ну никак такого не понять. Но что бы там ни произошло, а что-то светлое осталось в Терехе от прежних времен и сейчас, иначе он не принес бы Тае найденный телефон. Оставив Тереху возле умывальника с мылом и полотенцем, Тая прошла на кухню, налила полную миску супа, поставила разогреваться в микроволновку. Когда Тереха появился на пороге, она как раз уже перенесла аппетитно дымящуюся миску на стол.

– Садись, поешь, – скомандовала Тая. – Голодный ведь, наверное, после своих прогулок?

– Тай, да мне бы лучше это... – замялся он.

– «Это» тоже будет, но потом, а пока ты мне для разговора трезвый нужен, так что ешь, – и она подтолкнула его в спину, чтобы сел за стол. Подождала, пока он – конечно же, голодный! – торопливо вычерпает ложкой весь суп, жадно заедая его ломтями хлеба, потом поставила перед ним чай с бутербродами. И поскольку он начал есть их, уже не торопясь, решила, что между делом можно приступить к беседе:

– Тереш, сможешь рассказать мне, где именно ты его нашел, этот телефон? Ну, хотя бы примерно...

– Да и не примерно могу. Там еще куст такой примечательный растет, можжевельник, аж с тремя макушками сразу. Я там иногда делаю свои схороны, если пьяный да что-то боюсь потерять. Там оно в таких случаях надежнее. Местечко укромное, даром, что всего шагах в пяти от тропинки.

– В пяти? – Тая задумалась. – Как-то странно Элька его обронила, тебе не кажется? Далековато, если сама она в этот момент шла по тропинке.

– Не знаю, Тай. Может, как и я, отчего-то потерять его боялась да случайно и выбрала то же самое место, чтобы оставить на время.

– Телефон? Это чем же она таким занималась в свой последний день? – У Таи на глаза навернулись слезы, но она смахнула их и подняла взгляд на Тереху: – Знаешь, ну не верю, не верю я в официальную версию Элькиной смерти! И меня настораживает не только то, что она утонула. Нет, тут мне патологоанатом все разъяснил, но... Чем дольше я об этом думаю, тем больше тревожат меня другие нюансы.

– Какие, Тай? – Тереха был сама готовность все выслушать.

– Ну, например, с чего бы вдруг она сорвалась на озеро так внезапно, не сидя у окна, а между делом? Разбирала постель, грела ужин – и вдруг! Это слишком уж внезапно, даже для Эльки с ее причудами. Кинулась так, что даже тапочки не переобула! И при этом не забыла закрыть дверь на замок!

– Да уж, – поддержал Тереха. – Скорее она про дверь бы забыла, чем про тапки. В них-то по тропинкам совсем несподручно, особенно в позднее время, когда напоздает сырость.

– Вот и еще момент! Эльку нашли в одежде. Не секрет, что, когда она бывала без купальника, а кинуться в воду очень хотелось, она ныряла в чем есть. Этот заскок тоже все за ней знали, поэтому никого особо не удивило, что ее так нашли. Однако вопрос: а где она тогда оставила тапочки? В них-то она точно бы не стала нырять! И потом, знаешь... Я думаю, куртка

на ней тоже должна была быть. И должна была остаться на берегу. Но ее тоже нет! Ни там, ни дома!

– Да это все как раз можно было бы объяснить, – вздохнул Тереха. – Нашли Эльку не сразу, через три дня только. За это время и куртку, и тапки могло и ветром в озеро сдуть, и смыть набежавшей волной – смотря где она их бросила. А там – ищи-свищи, куда их унесло, озеро-то у нас ключевое, подводными течениями богатое.

– А чего тогда нельзя объяснить? – спросила Тая, поняв, что Тереха может, но не решается что-то сказать.

– Тай, ты это... – он засмутился. – Только не думай, что я подглядывал. Но так просто выходило иногда, что я тоже бывал на озере по вечерам, а Элька меня не замечала.

– Ну давай уже выкладывай, не томи!

– Ну, в общем, как бы это сказать... Ну, какая бы она закаленная ни была, а не любила она выходить из воды в мокрой одежде. Особенно в эту пору, зябко ведь еще все-таки. Поэтому поздно вечером, когда уже темнело, она чаще всего, если не было купальника, прыгала в воду просто голой. Как настоящая русалка купалась. Она ведь была уверена, что все равно ее никто не увидит. А я и не смотрел, – торопливо добавил Тереха. – Дак ведь все равно иногда на глаза попадалась. Пока отвернешься, все равно успеешь понять, кто это и как.

– Эх, в последнюю-то ночь тебя там не было! – вздохнула Тая.

– Сам об этом постоянно жалею теперь. А что до одежды, то я даже к Трофиму Михалычу пытался подойти да об этом сказать.

– И что?

– Послал меня, даже не дослушав. Да еще и обозвал извращенцем. Но я же и правда не нарочно! Только он не поверил. За это уцепился, как пес за штаны, а за то, что я ему хотел по делу сообщить, нет.

– Да, поторопились в полиции дело закрыть. Прочитали заключение о вскрытии – и сбросили с рук. Не стали копаться в мелочах. Но они ведь есть! И странные все какие-то. Эта вот неувязка с одеждой, с ключом и тапками, а теперь еще и телефон.

– Может, и правда все так совпало? А полиции лень копаться только для того, чтобы все это подтвердить.

– Ну да, им-то она никому не сестра. А я... Ну не могу так все это оставить, нет мне покоя! словно какая-то тревожная жилка бьется! Теперь еще этот телефон. С чего его Эльке было прятать его в кустах? От кого, с какой целью?

– Тай, а может, в тот вечер был кто на озере? Вот она и побоялась, что они его украдут. И купаться поэтому полезла одетой, – предположил Тереха. – Я только что об этом подумал. Тогда все сходится, и как раз именно в куче с этим спрятанным телефоном.

– Тогда почему эти, кто был на озере, никому не сказали, что видели Эльку?

– Побоялись? Не захотели себе неприятностей? Или так и не узнали, чем все закончилось? Элька ведь наверняка утонула далеко от берега – не тот она была пловец, чтобы какую-то пару сотен метров не дотянуть, даже если вдруг очень плохо стало. А у нас тут знаешь, сколько приезжих стало появляться, чужаков? Скупают участки, перестраивают под дачи. Они нашей местной жизнью нисколько не интересуются, им лишь бы очередной коттедж отгрохать. Вот погоди, может, и к тебе в скором времени начнут подъезжать насчет участка.

– Об этом и речи быть не может, этот дом не продается.

– Это хорошо, что ты так решила. Нас тут все меньше остается своих, коренных.

– Да... – Тая задумалась, пытаясь осмыслить все то, что сегодня узнала. Но быстро забросила это занятие, поняв, что сейчас оно ей не под силу. Спросила у Терехи: – Ты все равно почти всех здесь, наверное, знаешь, сколько б их ни понаехало. Так может, скажешь мне, у кого тут в поселке машина с номером 987?

– А что? – Тереха выглядел озадаченным.

– Да просто заметила ее, когда из города возвращалась. Ехали в одном направлении.

– Знакомый какой-то номер, а вспомнить вот так сразу не могу. Но я постараюсь. Знаешь, что-то есть в этих цифрах...

– Что есть – так это и я тебе могу сказать: добавить спереди единичку – и получится год Элькиного рождения. Я потому и внимание обратила.

– Нет, Тай, это для тебя такие цифры что-то значат, – грустно улыбнулся Тереха. – А что до меня, то я даже и свой-то собственный год не сразу вспомнить смогу, если потребуется.

– Тереш, а ты ведь совсем еще молодой. Сколько тебе? Лет двадцать пять? Я же помню, как ты еще младенцем в коляске катался! Смутно, но помню! Эльке ну уж больно ты нравился, и она все бегала к твоей маме, чтобы та дала ей с тобой понычаться. И меня с собой таскала за компанию. Я еще и сама тогда маленькая была, так что не нянчилась, а просто рядом стояла да, бывало, зарилась на твои погремушки. А еще я помню, как один из приятелей твоей мамы в шутку предложил Эльке, чтобы она тебя купила, раз ты ей так нравишься. А Элька восприняла всерьез, принеслась как очумелая к бабушке за деньгами. И ревела потом на весь двор, когда купля-продажа так и не состоялась: бабушка денег не дала, сказала, что до пенсии надо ждать, а в долг тебя этот шутник нам так и не уступил.

– Ага, – Тереха посветлел лицом, усмехнулся. – Я знаю эту историю. Еще бы не знать! После того, как я подрос и мы с Элькой начали ссориться – тебя-то не было во дворе, ты все с бабушкой дома возилась, – она не раз мне кричала в сердцах: «Гад, надо было все-таки денег собрать на твою покупку! Да купить и придушить тебя на фиг, пока продавали!» Над этими нашими перепалками вся улица хохотала. Многие ведь взрослые были в курсе тех торгов – после того, как Элька устроила бабушке концерт из-за денег.

– Да, было, – Тая грустно улыбнулась. – Как здорово все было в детстве. И как все изменилось, когда оно закончилось. Не узнать!

– Особенно меня, – вздохнул Тереха.

– А с тобой вообще не могу понять, что случилось.

– Да не бери в голову, Тай. В двух словах этого не расскажешь, а в подробностях никакой ночи не хватит. Сложная она штука, эта жизнь! И хрупкая, и запутанная, как слитая в кучу и застывшая стеклянная нить.

– Ладно, не буду лезть тебе в душу, – не стала настаивать Тая. Поднялась из-за стола, вынула из буфета бутылку. – Давай лучше, раз я тебе обещала. Да и я приму для спокойного сна, а то ведь до рассвета глаз не сомкну.

Они раскупорили бутылку и выпили по паре стопок. Тае этого было более чем достаточно, так что остатки она предложила Терехе забрать с собой. Он засобирился почти сразу – видимо, не терпелось продолжить, а пить при Тае один все-таки постеснялся. Тая едва успела сунуть ему на дорожку хлеба и колбасы, даже не порезав. Но утешила себя тем, что и сам справится, если не сейчас закусит, то утром позавтракает. Он был уже у порога, быстро переобулся в свои старенькие кроссовки. Но у дверей все-таки задержался, чтобы проститься и поблагодарить. И еще вспомнил:

– Тай, так номер-то этот... 987... В ту ночь, как Элька исчезла, я его видел на той самой чужой машине, что зачем-то приезжала в поселок! Не наша она, не местная.

– Ты уверен? В том, что был именно этот номер?

– Голову на отсечение не дам, но, по-моему, так оно и есть, – сказал Тереха, открывая входную дверь. – Сам бы я его не вспомнил, но вот ты сказала, и как-то оно отозвалось...

– Ты повспоминай хорошенько, ладно? Потом точнее мне скажешь. Да, и приходи, если опохмелиться захочешь. Заодно проводишь меня к этим вашим с Элькой кустам, где ты нашел телефон. Я сама хочу на них посмотреть.

– Ладно. Ну все, спокойной ночи, Тай, я побежал, – Тереха резво выскочил за порог. Не пошел, а почти побежал. Наверняка торопясь домой, чтобы поскорее допить бутылку.

Тая проводила его грустным взглядом, думая о том, что на такой стадии лечить человека, похоже, уже бесполезно. Брезгливо, двумя пальцами, взяла оставленные им тапочки и выставила на крыльцо – мало ли, еще пригодятся, если вернется с утра. Потом вытащила из Элькиного телефона аккумулятор – завтра поставит его на зарядку да посмотрит, что там может быть у сестры в телефоне. Особенно на камере. А до утра пусть просохнет как следует, чтобы не забарахлил. Тая только сейчас задумалась, что с ним делать потом. Может, Терехе подарить на память об Эльке? Так ведь все равно продаст за бесценок. Нет, решила Тая, лучше телефон сохранить как память, пусть себе лежит, а Терехе сунуть денег в качестве вознаграждения за находку. Если он их возьмет. Но это все завтра, а сейчас – спать. Чувствуя, как начинают слипаться глаза, Тая легла и закуталась в одеяло.

С утра Тереха не появился, но Тая его рано и не ждала. Проснувшись, она собрала Элькин телефон и поставила на зарядку, молясь, чтобы он заработал. Не то что рассчитывала там что-то найти, а просто вдруг осознала, насколько дорого ей все, каждая мелочь, которая способна напомнить о сестре.

Включился телефон действительно без проблем, и Тая принялась рыться в нем, не пропуская ни одной папки. Что она там искала, чего такого особенного ожидала увидеть, Тая не знала и сама. Номер нового, ранее неизвестного ей абонента? Какую-то аудиозапись? Фотографию? Пожалуй, нет. Наутро Тая уже склонялась к Терехиной версии о том, что Элька просто спрятала свой дорогой телефон, чтобы не бросать его без присмотра на берегу, так как там в этот момент находились еще какие-то люди. И явно из «чужаков», потому что своим Элька все-таки доверяла. По крайней мере, большинству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.